

ФИЛОСОФСКИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

ЖИЗНЬ

Всякий элемент имеет собственную свою деятельность, свою жизнь неограниченную. Нож режет все, колесо может всегда кружиться, но когда деятельность ограничится, когда примет определенную форму, когда ей скажут — доселе, но не далее, тогда у элемента объемлется часть его деятельности, его жизни, он становится орудием другого. Жизнь в целом есть смерть в его частях.

МЫСЛИ, ЖЕЛАНИЯ, СТРАСТИ, ДЕЯНИЯ

Мысли суть общие; желания почти общие; страстей не много, но более нежели когда-либо было; деяний еще менее, но все более нежели прежде.

Вопрос не в том состоит, как переменить мысли и желания, — это невозможно, но в том, как остановить движение и переход желаний в страсти?

Опытом дознано, что противодействие производит два разных последствия в желаниях: в людях молодых оно раздражает их, воспаляет и ускоряет переход в страсти; в людях старых, боязливых и менее вообще к страстям склонных препятствия погашают их, по крайней мере оцепеняют желания.

Опытом также дознано, что потворство в желаниях и некоторая податливость притупляют их силу и, вводя в беспрерывные надежды, заставляют их терять из виду прежнюю цель. Это — тень, но для желаний и тени довольно.

Человек в желаниях вообще любит *завтра*, но не терпит долговременности: первое питает его, второе раздражает и приводит в отчаяние, т. е. к страсти.

Та и другая система были испытаны и оправдались опытом. Все было спокойно до поворота 1817 г. Страсти начались с поворотом.

Но от чего более страстей, нежели прежде?

От преобладания жизни умственной над жизнью вещественною; от сопряжения и многосложности происшествий и упражнения в размышлении; от промышленности. Ни в какой эпохе ум более не развивался и не должен был размышлять, как в тридцать минувших лет.

Никогда не видано таких переворотов; никогда колесо счастья так быстро не обращалось; никогда богатство и состояние людей столь сильно не передвигались.

Одна война может дать другое направление желаниям.

Следовательно, два средства: или податливость, или перемена направления; то и другое может отдалить вопрос — но не кончить.

САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ

Самостоятельность есть власть над собою.

Власть над собою не есть самопроизвольность (*spontanéité*). Это есть власть управлять своею произвольностию, направляя ее к цели, свободно избранной. Сия власть есть то же, что и способность избирать из многих целей одну.

Следствие самостоятельности есть: 1) свое и чуждое, 2) власть над другими.

Самостоятельность имеет свои степени; сии степени суть состояния лица, т. е. степени самостоятельности.

Состояния или степени самостоятельности суть или *permanents*, или *passagers et momentanés*.^{*} Отсюда разные виды бытия.

Самостоятельность имеет свои пределы.

Пределы сии суть: 1) физические, 2) нравственные.

Физические пределы суть связь человека со вселенною — *необходимость*.

Нравственные пределы суть связь человека с самим собою и с другими — *обязанность*.

^{*} [постоянные, или преходящие и моментальные (*фр.*)]

Пределы физические не зависят от воли.
Пределы нравственные зависят от воли.
Сознание нравственных пределов, или своих обязанностей, есть *совесть*.
Поступать сообразно сему сознанию нравственных пределов, по совести, есть *правда*.
Власть над собою, в нравственных пределах обращающаяся, есть *право состояния*.
Власть над другими, в нравственных пределах обращающаяся, есть *право над другими*.

НРАВ

Нрав есть совокупность постоянных склонностей, происходящих от сложения, от темперамента и привычек жизни.

Предметы и впечатления, сообразные сим склонностям, нам нравятся; противные не нравятся, независимо от их свойств.

Нрав сам по себе есть свойство животное; он есть или природный, или образованный.

Добрый нрав есть совокупность склонностей, удобных к общению и образованию.

Худой — напротив.

Нрав образуется разумом и совестью.

Разумом образуют нрав к общительности взаимства, совестью — к общительности единства.

Нрав, образованный властью разума и совести, есть *нравственность*.

Чем сильнее власть разума и совести над производным нравом, тем нрав лучше образован, и напротив.

Нрав, наилучше образованный, есть *добрая нравственность*, и напротив.

Нрав всегда участвует в побуждениях, а следовательно и во всех движениях воли.

Степень участия в движениях воли нрава образованного, или недостаток, составляет *нравственную сторону* деяний, намерений и желаний.

Чем более и сильнее участие разума и совести в побуждениях, тем движения воли *нравственнее*, и напротив.

Совершенное безучастие разума и совести в деяниях составляет деяния безнравственные, бессовестные.

Нравственность или безнравственность деяний составляет достоинство деяний.

Достоинство деяний измеряется не просто участием разума и совести в побуждениях, но усилием их в превозможении природного нрава. Чем более сопротивления, тем труднее превозможение и тем более достоинства в деяниях.

Степени достоинств деяния суть: справедливость, добродетель, святость.

Нрав, как худой, так и добрый, образуется постоянными силами, а силы постоянные в человеке суть самолюбие и любовь. Самолюбие есть и в малолетних и безумных, но в них нет любви; следовательно, они могут иметь худые нравы, но не могут иметь добрых; посему деяния их не имеют нравственности, т. е. *доброй* нравственности; но понеже *не могут*, то *худая* нравственность им не вменяется.

Навык везде и во всем призывать в содействие понятие взаимности есть нравственность *добрая*.

Навык все решать без сего понятия есть нравственность *худая*.

Во взаимности есть право и обязанность, есть долг.

Нрав есть свойство самолюбия и степень его относительно к благоразумию и совести. *Правда* есть начало общения, а не самое еще общение. Никто не скажет: правда любви, или любовь праведная.

Искривление нрава есть искривление склонения и, следовательно, спрямление воли.

Ясно, что воля не прежде получает склонение к любви, как преодолев склонение к самолюбию. Линия, где борьба с самолюбием кончается и где начинается склонение к любви, есть *правда*.

Всякое действие исключительного самолюбия есть *обида*; следовательно, правда есть безобидность; но кто перестал только обижать, тот еще не любит. Правда есть *neminem laedere* (никого не обижать); вторая степень *honeste vivere* (честно жить); третья *sum cuique* (всякому воздавать свое).

Нравственные деяния суть те, в коих обе силы нравственные имеют свободу, действуют совместно. Там, где нет любви с ее союзниками, не может быть и нравственности; там — одно животное самолюбие.

Следовательно, нравственность деяния начинается с того возраста, когда любовь соединяется с благоразумием и совестью, начинает быть силою, а не способностью.

В настоящем положении самолюбие всегда имеет перевес в движениях воли. Когда перевес сей уничтожится, тогда настанет равновесие двух сил; это есть *правда*.

ПОРЯДОК И БЕСПОРЯДОК В ДВИЖЕНИЯХ ВОЛИ

В движениях воли есть:

Порядок

Начало: любовь
Побуждения: добро совершенное
Управляющее начало: совесть
Основание: долг

Беспорядок

Самолюбие
Корысть
Окаменелость сердца
Своеволие

СВОБОДА

Свобода есть власть над самим собою.

Свобода есть власть воли располагать вниманием, обращать его на побуждения и удерживать или устремлять его при образовании желаний.

Власть воли не во всех равна; она может быть более или менее. Степень сей власти называется *силою воли*.

Свобода есть неволя разума; признание необходимости нравственной; победа необходимости нравственной над необходимостью физической.

Право есть та степень свободы, которая дана или оставлена от Бога человеку и без коей человек не мог бы быть лицом.

Быть лицом есть иметь право, иметь что-нибудь *свое*.

Право не есть свобода, но степень свободы, ибо не все *свое* человеку, а есть для него и *чужое*.

В первобытном состоянии не было ничего чужого, ибо все было свое, т. е. общее.

Но право дано или оставлено человеку условно; условие сие есть правда.

Где мысль и намерение несогласны со словами и деяниями, там нет правды, там нет и права. Ибо для чего мысли

несогласны со словами и намерения с делами? Для того, чтобы присвоить себе чужое, а право не есть свобода, но степень свободы.

Какая цель человека? Очищение и приготовление ума и сердца, а это достигается скреплением союзов, любовью.

Любовь и свобода суть одно и то же. Любовь есть союзность, свобода есть самостоятельность. Одно бытие союзное есть бытие самостоятельное.

Отличительное свойство души есть сливаться с другою душою, превращаться в нее, жить ее жизнью, иметь одну волю, один ум, одно чувство. Это факт.

Если бы это было и очень редко, то и тогда нельзя было бы отвергнуть, что это есть душе свойственно.

ЧЕСТЬ

Честь есть чувство правды *в гражданских отношениях*.

Как чувство правды и чести образуется в нравах гражданских, народных?

В России оно начало проявляться около времени Екатерины II; ибо правда есть благоразумие и совесть, то и другое образуется в гражданских нравах временем и постоянным порядком гражданственным.

Чувство правды есть чувство потребности в прямоте воли, независимо от мнения других.

Чувство чести есть чувство потребности в добром мнении, т. е. в том, чтобы другие были уверены в прямоте нашей воли.

Отсюда правда внутренняя и внешняя — совесть и честь.

НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ

Человек редко имеет одну систему поведения; всегда почти две: настоящую и будущую. Одна есть система действий, другая — желаний.

По большей части мы готовы жертвовать будущее настоящему, ибо будущее только грозит или обещает, а настоящее нудит или услаждает.

Одни токмо души силами твердые и бесстрашные умеют или согласить будущее с настоящим, или подчинить настоящее будущему.

Чем человек малодушнее, тем привязанность его к будущему слабее: он или не может, или боится сильно желать.

В частном быту сии противоречия не столь приметны, хотя тем не менее действительны; но в высоких положениях, где каждое действие проводит глубокую черту последствий, они весьма ощутительны.

В высоких положениях малодушие делит свет и людей на две части: одна, и самая большая, принадлежит настоящему, другая будущему. Первой — все, второй — одна пощада, снисхождение, изредка улыбка.

Не так ли мы поступаем и с высшим, вечным нашим будущим? Вздохи, мысли, молитва, изредка слеза — вот все приношение.

ЧЕСТЬ И СВОБОДА, ОДНО И ТО ЖЕ

Я держу слово из чести, т. е. чтобы показать, что я свободен от принуждения переменить то, что я определил, ибо перемена сия означала бы действие на меня внешней власти, побуждений, не мною избранных.

Побуждения, мною самим избранные и заблаговременные, суть побуждения, сообразные со свободою. Но побуждения, избранные по необходимости, не суть свободны. Посему побуждения тогда только не суть понудительны, когда я могу их без большого себе вреда отвергнуть — не действовать.

Чем человек более отходит от себя и погружается во всеобщее, тем он честнее, т. е. свободнее. Эгоизм есть рабство, союз есть свобода. Желая всего для себя, человек весь в долгу, ибо, все занимая, он от всего зависит; желая для других, другие у него в долгу.

МУДРОСТЬ

Что называем мы мудростью *в определенном деле*? Поступок, основанный на соображениях дальновидных, верных и человечеству полезных.

Следовательно, мудрость *и вообще* есть способность и навык поступать по соображениям, сходственным последнему предопределению человека.

Из сего следует, что к приобретению мудрости нужно: во-первых, знать предопределение человека, во-вторых, иметь навык поступать по сим соображениям.

Чем тонее органы, тем тонее и раздельнее чувствования. То же должно заключать и о разуме и о знании; органы его суть размышления.

Как очищать и утонять органы размышления? В сем состоит все дело. Жизнь, удаленную от чувств, созерцанием и освящением.

Но прежде сего очищения должно познать самое действие размышления.

Разрешением понятий занимались Локк и Кант.

Локк разрешал понятия одними поверхностными их наблюдениями.

Кант раздробил их тонее.

Из сих раздельных понятий надлежало последовательно снова сложить мир и человека.

Из Локкова раздробления сие было не трудно: части его так грубы, что они могли быть составлены одним приложением. Но при сем вопрос о сходстве мира мысленного с миром вещественным остался неразрешенным и весьма темным.

Когда приступили из Кантова раздробления слагать мир и человека, тогда произошло еще более затруднения.

Две системы отсюда возникли.

В одной все есть душа (*idealismus*), в другой все есть одушевленный мир (*spiritualismus*, *naturalismus in stricto sensu*, *vel pantheismus*), и здесь мы остановились. Ясное доказательство, что то и другое разрешение ложно.

Совсем другой вопрос: сходны ли наши понятия с вещами физическими? Сей вопрос есть тот же, как сходна ли линия, на бумаге проведенная, с линиею, в натуре на здании существующую? Сходна, но по данному масштабу или конструкции. Несходна в величине, в материи и в плане, на коем она проведена.

Вся ошибка Кантовой философии состоит в том, что он конструкцию вещи принял за самую вещь. Конструкция вещи в самой себе возможна, но вещь сама невозможна.

Есть ли вещи сами в себе неизмеримые, т. е. есть ли вещи, которые сами себя мерить не могут? Но ничто само себя не измеряет, а всегда измеряется другим.

Есть ли вещи в самих себе красные, черные и проч.? Само в себе все неизмеримо, так как само в себе ничто не имеет цвета. Цвет есть соединенное явление двух друг на друга действующих тел света и поверхности.

Есть ли вещи сами в себе, или могут ли быть вещи в самих себе (substantio)? Вещь сама в себе есть та, которая может существовать без мира, без Бога и без человека. Я могу вещь сию вообразить как геометрическую линию; но в то же время я должен знать, что она не существует и не может существовать вне моего воображения. Она есть *ens in abstracto*. Мы не знаем вещей самих в себе; знаем *in abstracto per constructionem*, потому что сами дали им сию конструкцию. Не знаем *in concreto* и знать не можем, потому что *in concreto* их нет и даже быть они не могут, ибо вещь одна, не действующая и не действующая, невозможна.

Следовательно, искать вещей в самих себе есть то же, что искать тождества между линиями физическими и линиями геометрическими. Вопросать: сходны ли наши представления с вещами в самих себе, есть то же, что вопрошать, сходна ли линия, на бумаге проведенная, с умственной линией геометрической. Она сходна и нет. Первая всегда имеет норму, а вторая нет.

НУЖДЫ И ЖЕЛАНИЯ

1) Чего желает крестьянин помещичий?

Желает быть казенным.

2) Чего желает крестьянин казенный?

Чтоб подати были умеренны, чтоб они были соразмерны земле и промыслам, чтоб они были уравнительны, чтоб надел земель был достаточен и чтоб все сие определено было законом, а не произволом местных начальников.

3) Чего желает мещанин?

Чтоб или промыслы его, стесняемые ныне с одной стороны купцами, а с другой — крестьянами, были расширены и иначе установлены, или повинности его соразмерены.

4) Чего желает купец, фабрикант и заводчик?

Чтоб кредит был верен, чтоб курс был выгоден, т. е. чтоб иностранные товары были дешевы, а внутренние дороги, чтоб тарифы не были переменяемы без совета и согласия тех, коих все имущество и все предприятия с ними связаны.

5) Чего желает духовенство?

Чтоб отъято было противоречие между достоинством их звания и унижением и бедностью их состояния, чтоб люди обязанные к умственным упражнениям не были смешиваемы с людьми рабочими, чтоб бытие их теснее было связано с гражданским порядком и чтоб гражданское просвещение или образование помогало, а не противоречило духовному.

6) Чего желают гражданские чиновники?

Насущного хлеба, возможности приобретать его без преступлений, способов упражняться в законах и образовывать детей своих без страха нищеты и унижения.

7) Чего желает дворянство?

Твердой собственности, доходов верных, независимых от колеблющегося духа крестьян, уравниения налогов, уважения в гражданской службе, лучшего воспитания детей, сокращения издержек, употребляемых на их образование и службу, и наконец, законов твердых и постоянных.

СТЕПЕНЬ НАСТОЯТЕЛЬНОСТИ

Все сии нужды и желания еще не настоятельны. Они изображаются не постоянным некоторым исканием, но временными жалобами, минутным ропотом, праздными беседами и более всего злословием, недоверием, предубеждением или равнодушием ко всем постановлениям правительства.

Но они могут соделаться настоятельными; так везде они начинались и возрастали. Время, умножая их причины, обыкновенно усиливает их действие.

Крестьяне помещичьи не становятся беднее, но желания и вкусы их расширяются, и следовательно, состояние их делается им прискорбнее.

Крестьяне казенные, собственно земледельцы, беднеют, ибо число их умножается, а земли не прибавляются, подати возвышаются, несоразмерность и неуравнительность возрастают.

Крестьяне, промышленники и торгующие, богатеют; но класс сей в сравнении со всею сложностью крестьянского сословия малочислен и богатством своим не только не облегчает всего сословия, но служит ему предметом зависти и раздражения.

Если бы крестьяне-земледельцы менее обременены были налогами или налоги были бы более уравнительны, тогда

недостаток земли мог бы быть вознагражден лучшею ее обработкою; но искусственная обработка требует капиталов.

То же должно сказать и о прочих сословиях. В общественном порядке всякое зло усиливается временем.

СПОСОБЫ

Способы могут быть двояки: меры правительственные, меры законодательные.

Первые легки, но непрочны, ибо не имеют ручательства.

Вторые трудны, но прочны, ибо основаны не на букве, но на живой, действующей нравственной силе.

Вопрос: возможно ли у нас образование сей нравственной силы?

Вопрос сей разрешается на два следующих.

Российское государство может ли избрать и представить в высших и средних его сословиях от 1500 до 2000 лиц с уважительной степенью просвещения, имущества и общего доверия?

Российское государство может ли уделить от 5 до 10 миллионов дохода на учреждение и постоянное содержание законодательного сословия?

Вопросы сии хотя и кажутся на первый взгляд просты, но разрешение их затруднительно. Доброе и твердое законодательство везде предполагает высокую степень нравственного образования и народного богатства.

ПОСЛЕДСТВИЯ

Сила всех государственных Уложений (Конституция) состоит в двух следующих положениях:

1) Не постановлять ничего важного без Общего Совета.

2) Общий Совет составлять по правилам единообразного выбора уравнительно из всех свободных сословий.

Следовательно, все зависит от свойства избранных лиц.

По сему свойству действие их в отношении к правительству может быть маловажно или уважительно.

В первом случае государство будет содержать большое политическое зрелище и труппу актеров.

Во втором — направление Совета может быть двояко. Если он будет окружен доверием, не имея ни сведений, ни навыка в предметах управления, тогда требования и притязания его будут сильны, стремительны, неблагоприятны; для утверждения своего доверия именем пользы и обличения народного он потребует великих жертв от правительства.

Если при доверии он будет иметь и сведения, и нравственное достоинство, тогда он будет подпорою правительства.

Вопрос: из сих трех случаев какой у нас вероятнее?

Начнем с последнего. Высшая степень образования без сомнения принадлежит у нас дворянству. Но исключив чиновников военных и гражданских, кои не могут собственно войти в состав Общего Совета или места их останутся пусты, что останется в сословии дворянском? Малые и старые, люди, приобывшие к городской или деревенской праздности, люди, сведущие в сельском хозяйстве, но никогда не занимавшиеся важными политическими вопросами; люди, не приуготовленные к ним ни теориею, ни опытом, и сверх того малочисленные. То же, и еще с бóльшим основанием, должно сказать о купечестве и мещанстве. Состояние наших капиталов, самый образ торговли большею частию внутренней и раздробительной, требующей более механического движения и мелких местных познаний, нежели общих и обширных соображений умозрений, не позволяют предполагать в сем сословии ни сведений, ни навыка. Самое число их столь ограничено, что без отвлечения от их промыслов выбор их в значительном количестве почти невозможен. Духовенство и крестьянство не составляют у нас сословия: *первое* — по нищете, *второе* — потому, что не имеет собственности.

Следовательно, последний случай, т. е. возможность законодательного сословия сильного и просвещенного, весьма мало представляет вероятности.

Посему одно из двух: или сословие сие будет простое политическое зрелище, или по недостатку сведений примет оно ложное направление.

В первом случае неудобство состоит: 1) в значительной издержке без видимой цели, 2) в предлоге нареkania правительству.

Польза, напротив, может состоять в том, что правительство, поставив себя сим учреждением впереди народных желаний, станет вне опасности всякого внезапного движения.

О ВЛИЯНИИ РАЗУМА И СОВЕСТИ НА ЖЕЛАНИЯ И НАМЕРЕНИЯ

Все желания и намерения воли сопровождаются разумом и совестью.

Разум судит о пользе и вреде личном, но только соединяя будущее с настоящим, последствия с намерениями.

Совесть судит о пользе и вреде каждого намерения в отношении к созданию, соединяя настоящее и будущее *личное* с настоящим и будущим *всепревечным*.

Кто поступает по внушениям разума, тот благоразумен; кто поступает по внушению совести, тот правдив.

Кто поступает против внушения разума, тот безрассуден; кто поступает против внушения совести, тот поступает лживо.

Справедливость есть вид правды. Нельзя быть справедливым ни в союзе с Богом, ни в союзе с собою; можно быть справедливым только в союзе с другими.

Союз с Богом и с собою есть только внутренний; союз с другими есть внутренний и внешний. Справедливость есть правда в отношении к союзу внешнему.

Сия правда может быть *неправдою* в отношении к союзу внутреннему.

Воля имеет только два желания первообразные, непосредственно от произвольности ее возникающие: быть и быть счастливым, сохранять бытие и усовершенствовать его.

То и другое желание равно самородны и не предполагают никаких побуждений. В них воля сама себе закон (*autonomia*).

Но сила сих желаний различна. Первое основано на необходимости и не терпит постепенности; второе есть постепенно и, следовательно, может быть ускорено и умедлено. Потеряв бытие, теряем и возможность усовершенствования; но отложив усовершенствование, можно сохранить бытие.

Следовательно, первое желание основано на необходимости; но как назовем мы основание второго?

Если я не сделаю того-то, то я умру; следовательно, сделать то-то есть *необходимость*.

Если я не сделаю того-то, то утрачу случай усовершенствовать бытие; но случай сей может опять возвратиться, следовательно, нет совершенной *необходимости* сделать то-то. Но что же есть? *Обязанность*.

В первом случае я сам уничтожаю собственную мою свободу, ввожу себя в сферу необходимости, так что я не могу поступать иначе.

Во втором я токмо ограничиваю свою свободу, ставлю ее в зависимость, но не уничтожаю ее действия; я предоставляю себе действовать иначе, ценою моего счастья.

Правду *говорят* и согласно с правдою *поступают*.

Говорят правду, когда говорят, что мыслят. Следовательно, тождество мысли и слова есть правда; не тождество их сходства, их выражения, но тождество намерения и выражения.

Не говорят правду в понятиях отвлеченных, но в предметах нравственных. Астроном не говорит правду, когда выражает свои мысли явственно о своей науке, но говорит правду, когда словами обнаруживает нравственные помышления или внутреннее сведение. Следовательно, правда, изображаемая словами, есть внутреннее помышление, сведение или убеждение души, мнение ее о нравственном предмете. Правда есть совесть. Сказать правду есть открыть свою совесть.

Посему поступать согласно с правдою есть поступать по совести.

Деяния произвольные суть деяния правдивые, когда они согласны с совестью.

Но когда деяния согласны с совестью? Когда мы поступаем по совести? Когда поступаем по одному убеждению нравственного добра, признаваемого совестью, не преклоняясь к побуждению добра чувственного, когда властвует нашими деяниями совесть.

Знатная часть неурядиц и несчастий в обществе происходит от разности в нравственном образовании людей.

Есть умы и есть сердца, кои живут веком впереди; есть другие, кои живут веком позади; есть, наконец, иные — и большая часть — кои живут только в настоящем, без воображения и памяти. Какой источник споров и противодействий, ибо каждый не только хочет мыслить, но и действует по-своему!

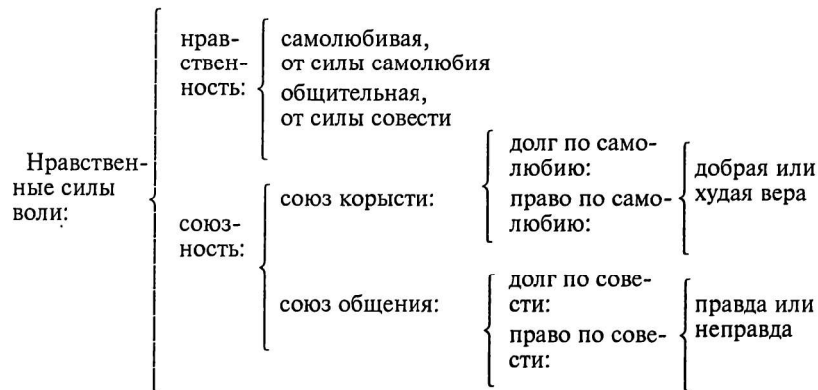
Мудрость правительства состоит не в том, чтоб погасить ум и воображение, и не в том, чтоб изгладить воспоминания, не в том, чтоб охранить одну цепенеющую, хладную жизнь

настоящего. Это значило бы погасить веру и надежду, всякое чувство усовершеня; это есть род богоотступничества и эпикуреизма; это есть подвергнуть общество всем опасностям непредвидимых внезапностей.

Мудрость правительства состоит в умерении взаимного действия сих трех начал, беспрестанно борющихся и враждующих, и самую вражду их обратить в пользу усовершеня, но усовершеня не порывистого, а мирного и постепенного.

Большая часть превращений произошла от того, что люди с пламенным воображением обыкновенно свои желания и надежды представляют себе желаниями и надеждами общими и, следовательно, ставят всех других в одинаковой степени образования. На поверку же выйдет, что под теми же словами общего блага все понимали не общее, но свое благо, и следовательно, каждый хочет образовать общество по-своему и, большею частию, в свою пользу.

В странах европейских умы первого рода взяли приметный перевес. Интерес всех правителей состоит ныне в том, чтоб дух сей не проник и в Россию. Ибо на российском правительстве утверждается якорь всех государей против внутренних волнений. Россия одна может им сказать: quos ego,* без России все они ринулись бы опрометью в страну надежд и желаний.

Нравственные силы суть двояки: одни управляемые, дру-
гие управляющие. Управляющие суть самолюбие и любовь;
управляемые суть нравы и союзность.

* [я вас! (лат.)]

О НАЧАЛЕ ОБЩЕСТВ

Как скоро два лица согласились между собою в том, чтобы признать себя взаимно существами нравственными, соединенными уже между собою общим союзом человечества, жить в совокупности для безопасности и пользы, то между ними установился союз общежития (*le lien de la vie sociale*).

Существенные принадлежности сего союза и различие его от всех других союзов состоит:

1) В том, чтобы признать себя взаимно нравственными существами в отношении одного к другому и, следовательно, признать:

а) Что каждое лицо имеет власть над собою и каждое свободно; б) что каждое способно вести себя по закону разума и, следовательно: в) ответственность за свои деяния и г) быть должным другому или иметь долг на другом.

2) В том, чтобы признать себя нравственным существом и в отношении ко вселенной, т. е. признать себя взаимно состоящим по крайней мере в одном из двух высших и первообразных союзов (с Богом и человечеством), в союзе с человечеством и, следовательно: а) признать бытие нравственного добра и зла; б) бытие нравственной правоты, *aequitatis*, т. е. необходимость быть верным сему союзу.

Никакой постоянный и прочный союз общежития без сих принадлежностей существовать не может, ибо, положим, *во-первых*, что не будет в нем первой из сих принадлежностей: свободы; тогда нет союза общежития, но есть состояние насилия и рабства; положим, *во-вторых*, что есть первая принадлежность, но нет второй, есть свобода, но нет признания нравственного добра и зла, нет признания правоты, тогда чем измерять свободу? Чем определить ее при первом споре? Следовательно, при первом споре союз разрушится, ибо лишится единственного своего утверждения (*sanctio*).

Следовательно, союз общежития должен иметь не одну, но две стихии:

1) Взаимность свободы и

2) Утверждение ее, нравственную правоту.

И не должно думать, чтобы признание сих двух стихий, и особливо последней, было слишком отвлеченно для первоначальных обществ; понятие может быть отвлеченно, но чувство их весьма просто. Они находятся в самом первом соединении общежития семейственного, в отношениях мужа и жены, родителя и чад.

Чем союз мужа и жены прочен, почему он есть союз, а не случайное сопряжение?

Скажут — по любви, по привычке, по нуждам, по пользам взаимным. Мы здесь разумеем союз супружеский как союз общежития и, следовательно, допускаем в нем свободу лиц, первую стихию общежития, а не состояние рабства.

При свободе же обоих лиц может ли существовать любовь как нравственное чувство привязанности, без чувства добра и зла, без различия правого от неправого, словом, без признания первообразного союза с человечеством? Любовь нравственных существ между собою есть не что иное, как частное выражение любви к человечеству. То же можно сказать и о привычке.

Нужды и пользы не могут прочно охранить взаимной свободы, и напротив, сильнейшая сторона всегда найдет нужду и пользу привести в рабство слабейшую и, следовательно, разрушить союз, превратив его в состояние рабства.

Те же самые рассуждения еще с большею силою прилагаются к союзу между родителями и детьми их возмужавшими.

Следовательно, ни в теории, ни на событиях невозможен союз общежития без определения свободы, без признания добра и зла, без чувства правоты, словом, без чувства первообразного союза с человечеством.

Пример семейств блуждающих и бродячих в диком состоянии здесь ничто не доказывает.

Тут нет семейственного союза общежития, где один сильнейший влачит за собою, под именем жены и детей, стаю рабов, ему подчиненных, всегда готовых от него отделиться при первом перевесе пользы или при первой возможности безопасной свободы. Семейственный союз может быть только там, где есть власть и повиновение, но не сила и рабство.

Когда образуются семейственные союзы? Тогда, как люди, выйдя из сего состояния, почувствуют разность добра и зла, признают взаимно себя свободными и состоящими в общем союзе человечества. Откуда бы могли иначе произойти выражения *humanitas* прав человечества и тому подобные.

Человеку врождена любовь к человечеству, но чувство сие подавляется дикостью. Как скоро глас духа ему сделается внятн, то он говорит ему, что он во всех один и тот же.

ЦЕЛЬ ОБЩЕЖИТИЯ

Не та цель общежития, чтоб сделать каждого окончательно счастливым, но цель: 1) обезопасить каждого, 2) удостоверить труд, 3) приуготовить к высшему порядку, воспитать.

Возмущение против общежительного порядка происходит от того, что приучали людей взирать на него как на последнюю цель бытия, не видя ничего далее. Общество есть стень, а не верх нравственного порядка; верх есть религия.

Спор о формах правления есть спор о методах воспитания.

ПРЕДЕЛЫ ДЕЙСТВИЯ ОБЩЕЖИТЕЛЬНОГО ПОРЯДКА

Общежитие не может сделать всех счастливыми и довольными, не может удовлетворить всех бесконечных желаний. Винить общежитие, требовать от него более, нежели что может оно дать, есть болезнь нашего века.

О ВОЗРАСТАХ ОБЩЕСТВ И О СООБРАЖЕНИИ С НИМИ МЕР ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ

Общества человеческие имеют свои возрасты. Законодатель не может и не должен изменять сих возрастов, но он должен с точностию знать их и каждым управлять по свойствам его. Предпочитать один возраст другому есть то же, что предпочитать младенчество юности, юность мужеству, мужество старости. Каждый возраст имеет свои преимущества и свои слабости. Можно, но весьма неблагоприятно, предупредить возраст законами, разве потребуют сего внешние (обстоятельства), сильные побуждения.

Есть общества, кои не доживают до старости оттого, что в юности состарились. Но в общем плане смерть младенца и старика одинаковы. Тот и другой живут столько, сколько нужно им было жить для явлений действующего в них духа. Сила и цель всех законов есть сохранение общества в порядке его возрастов. Полезнее было бы продолжать один возраст как можно более, но сие невозможно, потому что каждое обще-

ство есть часть целого. Где географическое положение сие дозволит, там общество долее живет.

Не должно думать, чтобы во всех частях большого общества мог быть возраст одинаков. Между тем как одни уже состарились, другие еще во младенчестве. Отсюда трудности и разнообразие законов и злоупотребления. Одни требуют молока, другие вина; одни обманывают, другие обманываются. Народное просвещение есть не что другое, как уравниение возрастов или сближение их.

Науки не сами по себе, но только потому полезны, что они упражняют ум и приводят его от грубой чувственности к понятию о союзах.

О ПРАВЕ ВООБЩЕ

Право иногда употребляется в смысле закона (objective), а иногда в смысле власти (subjective). Употребление сего слова в первом смысле российскому языку несвойственно. Слово *jus* могло быть употребляемо в смысле закона, ибо оно происходит от *jussum* (*jus a jubendo*); по сему понятию *jus* есть род, а закон — его вид. Но слово *право* происходит от слова *править*; правят *по закону* лица и места, *законом* установленные, но закон сам по себе не правит. Управление действует по закону, но закон различен от управления. Право есть следствие закона и законом определяется. Если закон называть правом, то право (subjective) будет определяемо правом (objective), — смешение и в других языках весьма примечательное, но от привычки и употребления менее приметное.

Право обыкновенно различают от действительной власти и поставляют его в одной способности или возможности иметь власть. Сие происходит от того, что власть (*polestas*) смешивают с владением (*possessio*). Власть над имуществом имеет три степени: в первой она устанавливается, во второй совершается, в третьей вступает в силу обладания. Каждая из сих степеней власти есть право, но в первой — право установленное, во второй — право совершенное, в третьей — право обладания. Напр[имер], заключен, но нигде не явлен договор на покупку именина, — сим *установлено* право, т. е. власть продавца на деньги, когда покупатель получит власть на имущество; договор явлен и совершен в актах, — сим *совершено*

право, прежде установленное; наконец, продавцу заплачены деньги, а покупатель введен во владение, — сим право совершенное вступило в силу *обладания*. В каждой из сих степеней есть власть, а не одна возможность; если право есть возможность обладания, то что же будет право обладания, возможность к чему? Что будет обязанность, каждому праву соответствующая? Неужели одна возможность повиновения? Правда, что один может иметь право на имущество, между тем как другой им владеет, и сие дает понятию права вид одной возможности, а не власти; но в сем примере первый не имеет права обладания, а имеет право установленное или совершенное, он имеет токмо притязание к праву обладания, а второй имеет право обладания: если право первого судом утвердится, тогда притязание его обратится в право обладания, а право последнего признано будет завладением.

Во всех законных приобретениях не столько предмет права, сколько власть над ним, т. е. право на него, приобретается.

Что приобретает частное лицо, когда приобретает состояние? Одну власть пользоваться тем состоянием, к коему оно причислено. Следовательно, приобретает право состояния.

В приобретении недвижимых имуществ приобретается также власть располагать ими по произволу. Часто лицо, их приобретающее, не вступает и даже не может вступить в действительное их употребление, но имеет власть употреблять их, т. е. приобретает на них право.

В приобретении движимых имуществ также большею частию приобретается власть права, нежели предмет права. Из сего исключаются те токмо движимые имущества, коих обладание по особенному их свойству всегда или большею частию сопряжено с действительным их употреблением, как-то наличные деньги.

В приобретении личных прав всегда приобретается право, а не предмет его. Нельзя сказать: я приобретаю действие другого, но я приобретаю власть, право над действием другого.

Приобретение:

а) Первообразное из общественного.

б) Производное от других из общего в общее и из особенного в особенное.

в) Производное из общего в особенное (*de communi dividundo*).

К первообразному приобретению должно отнести все, что приобретается трудом, искусством и знанием. Сюда принадлежит собственность открытия и сочинений в науках, искусствах и ремеслах.

В приобретении производном (в) из общего в особенное должно установить: 1) каким образом имущество может вступать в общее владение: [а) *per modus primitivos*, б) *per derivativos*] даром, выделом, договорами, наследством; 2) каким образом выходит из общего. Сюда принадлежит и тот случай дележа, где главная часть имущества увлекает все с нею сопряженные.

Посему в 3-й книге разделить: а) о первообразном приобретении, б) о производном простом, в) о производном сложном.

Право не должно смешивать со способностью.

Право *subjective* имеет два разных значения: определенное или неопределенное; право на сию именно вещь, на то или другое действие лица есть право определенное; право делать или не делать, употреблять или не употреблять что-либо есть право неопределенное.

В первом смысле право есть всегда власть; во втором оно есть токмо способность. В первом смысле оно есть истинное положительное право, ибо оно определяется и охраняется законом; во втором оно не есть положительное право, ибо оно не определяется и не охраняется законом, но токмо им не воспрещается, оно стоит вне положительного закона и им не объемлется, и сие право в истинном и точном смысле можно назвать правом естественным или нравственным.

НВ. Во введении о различии законов нравственных нужно прибавить: от закона нравственного возникает и право нравственное. Оно не что иное есть, как способность, нравственным законом определяемая, оно не есть власть, потому что нравственный закон не имеет понудительной силы охранения.

Смешение коренных понятий о силе охранительной было причиною смешения и в законе, и в праве и его определении.

О СИСТЕМЕ ЗАКОНОВ СОБСТВЕННОСТИ

Законы собственности в Юстиниановом изложении следующий имеют вид. Они делятся на три главных отдела: 1) законы о лицах, 2) законы об имуществах и 3) законы об исках.

Впоследствии при разных приспособлениях сей системы к местному разным государствам законодательству они получили следующий почти общий или по крайней мере обыкновенный вид. Из первых двух отделов составлены три части Уложения под именем закона о лицах, о вещах и закона об обязательствах, а из третьего отдела об исках составлено особое Уложение, или Устав судопроизводства, который иногда, слагаясь с учреждением судебных мест, именуется вообще Судебным Уставом, а иногда отдельно составляет Книгу о судопроизводстве.

От сего общего состава, в Германии принятого, во Французском Гражданском Уложении сделано некоторое отступление. Сие Уложение разделено на три части: 1) о лицах, 2) об имуществах и разных их изменениях, 3) о разных образах приобретения собственности.

Не должно искать точности в Юстиниановых изложениях. Это суть более рассуждения законника о законах, нежели самый текст закона. Посему можно пройти без замечания разные смешения в словах и выражениях, но нельзя не заметить следующих главных неудобств в сих изложениях.

1) Первая их часть, законы о лицах, представляет довольно правильное очертание законов не о лицах вообще, но о праве состояния лиц, хотя много тут есть пропусков и смешения в понятиях о приобретении сего права и о способах, коими оно совершается. Главный недостаток сей части состоит в том, что она выходит из своих пределов и сливается со второю; в ней определяется не токмо право состояний, но и образ приобретения прав вещественных в некоторых состояниях, как-то: в малолетстве, в праве родителя над детьми, в рабстве и проч.

2) Вторая часть, о вещах, есть смесь всего, что можно сказать в законе об имуществах. Здесь разделение и роды имуществ смешаны с их приобретением, право личное смешано с вещественным, охранение смешано с правилом. Сверх того, как общие правила о приобретении имуществ изменяются по различию прав особенных состояний, то надлежало сделать одно из двух: или составить из сих изме-

нений особенное отделение, или при каждом правиле означить все его изъятия. Не сделано ни того, ни другого; напротив, некоторые из сих изъятий помещены в первой части, и вещественные права отнесены к закону о лице, другие оставлены во второй части. Но важнейшее неудобство состоит взыблемости и неопределительности понятий собственности (*dominii*), обладания (*possessionis*) и завладения (*usurpationis*). Для установления сих понятий написаны целые библиотеки, но предмет сей остался столько же темным, как и был прежде.

3) Третья часть, об исках, представляет законы об охране права собственности, ибо иск есть средство к отысканию права в суде и, след[овательно], к охранению его — *actio est remedium juris*. В сей части менее допущено смешения, нежели в других, хотя и в ней есть много правил, кои более принадлежат ко второй части, нежели к третьей.

Недостатки Юстиниановых изложений в приспособлении их к местному законодательству других государств отчасти исправлены, но коренной порок неправильного и произвольного разделения предметов остался без исправления.

Разделение во Французском Уложении, более уклоняясь от образца Юстинианова, более имеет и правильности. Но смешение предметов в первой части также ощутительно. В ней, устанавливая право состояния, устанавливается вместе и право вещественное некоторых состояний, право, по тому же разделению принадлежащее к третьей части, т. е. к образу приобретения. Во второй части есть смешение понятий о собственности, тем более разительное, что в сей части собственность определяется как *dominium plenum*, а в третьей части все договоры найма и тому подобные виды *dominium* по *plenum* вмещаются в понятие той же собственности. Оттого, что не отделены и не собраны воедино изменения в вещественном и личном праве, от различия состояний происходящие, изменения сии, исключая прав торгового состояния, рассеяны во всей книге в виде частных случаев или изъятий, и тем, с одной стороны, связь самых правил беспрестанно прерывается, а с другой — трудно определить с точностию, каким изменениям в праве подлежит каждый род состояния. Право крепостное (*jus in re*) нигде с точностию не определено и не различено от других прав (*jus ad rem*). Охранение в одних местах присоединено к правилу, в других же, и в большей части, отнесено к особой системе, к Уложению о судопроизводстве.

О ЯСНОСТИ В СЛОГЕ ЗАКОНОВ

Многие под именем ясности в слогe разумеют такое изложение, по коему можно было бы разуместь каждую статью закона, раскрыв только книгу и по одному взгляду, не учась, не вникая, без соображения. Сей ясности мы обещать не можем. Есть статьи, кои по первому воззрению могут быть каждому вразумительны, но есть другие, и большею частию, кои требуют предварительных познаний и, следовательно, труда и прилежания.

ИЗЛОЖЕНИЕ ЗАКОНОВ

В учебном уложении законов есть тот главный недостаток, что одна токмо, и то малая, часть законов, а именно законы о праве, т. е. распределение и охранение его, преподаются; прочие же части не объемлются наукою, между тем как сии части для практики суть самые нужнейшие. Отсюда происходит то невежество ученых людей в делах службы, которое вошло почти в пословицу.

В школах обыкновенно обучают: 1) законам о распределении прав; 2) законам об охранении прав наказаниями; 3) уставу судебному и 4) небольшой части уставов экономических, под именем экономии политической; из сих четырех частей самое большое место занимают законы гражданские.

Все сии познания без связи их с прочими уставами и учреждениями мало приносят пользы, ибо в практике вопросы возникают более из уставов, нежели из прав.

Большая часть времени теряется на право римское, но право сие не может представить полной системы. Нам остались от него одни токмо отрывки, и в самых сих отрывках главные черты суть невразумительны.

В изложении законодательном есть смешение понятий об уложении законов в их совокупности (code) и об уложении их частном (manuel). Так, например, во французском общем уложении вмешано частное уложение торговое; как частное уложение оно не полно, ибо в нем нет торговых уставов и учреждений, как часть общего оно не соответствует своему целому и прерывает связь его. Важнейший пропуск французского уложения суть уставы об актах.

В уголовных уложениях смешаны преступления против прав с преступлениями против уставов.

ПРЕДЕЛЫ ПРАВА ДЕРЖАВНОГО

Есть два предела в праве государственном, державном, в коих, состоя по необходимости, оно никогда и нигде не может быть деспотическим. Власть без границ не есть право, но власть Богу одному над людьми свойственная. Даже власть господина над рабом не может быть неограниченной, ибо раб не только может убежать, но и умереть. Одна только власть человека над вещью может быть неограниченна, но это уже не власть, а сила.

Первый предел верховной власти полагается самим ее началом (*in abstracto*). Он устанавливается единственно для хранения прав гражданских лиц, сей власти подлежащих, но если она не ограничена, то лица становятся вещами и прав не имеют. Следовательно, и охранять нечего, и власть сия не есть право, но только сила. Доколе сила сия действует во благо, доколе она должна быть уважаема не как право, но как польза или необходимость по расчету, а не по правде.

Второй предел составляет в том (*in concreto*), что власть державная не может никогда вся заключаться в одной воле. Она может иметь только высшую первообразную степень законодательства и управления, для второобразной же степени того и другого, то есть для приложения закона к делам, необходимы нужные установления, следовательно, каждый раз есть две воли. Когда они не согласны между собой, они ограничивают себя взаимно. Посему власть верховная тогда была бы только деспотической и крепостной властью, когда бы все установления были совершенно безгласны и в точности исполняли только ее волю, были ее рабами, — предположение в большом государстве редко возможное и всегда непродолжительное, ибо оно противно человеческой природе. Не только каждое установление, но и каждое лицо в установлении желает сохранить свою личность, и хотя история представляет много примеров рабства, но рабство сие никогда не было продолжительным, власть везде слабела и сама себя стесняла полным на словах, но слабым на деле исполнением ее законов. Там, где нет свободы, обыкновенно бывает попущение (*dissolution*) — сила на словах, слабость на деле.

Общество не может быть без права, но не может быть и без пользы. Верховная власть может быть по правде правильна, но противна пользам. Здесь начало революции, и напротив, власть может быть без права, будучи просто силой, но может быть полезна. Чтобы власть была правильна, она должна быть ограничена. Лица вне ограничения не должны быть вещью. Можно ли иметь гражданские права при власти неограниченной?

ИСТОЧНИК ЛЮБВИ К ОТЕЧЕСТВУ

Тайна любви к отечеству состоит в стремлении к единству всех моментов его бытия, человек отвращается от всего, что его двойит и раздробляет. Он хочет быть непрерывным. Любовь к отечеству — отсвет воспоминания общего начала высшего отечества. Любовь к истории тоже. Человек ищет, сам не зная для чего, возврата к своему началу. Почему история для нас интересна? Потому что в роде человеческого видим себя.

ПРАВО ВЕРХОВНОЕ

Право верховное не есть право в обыкновенном смысле; оно есть право *Божиею милостию*, право священное, свыше устроенное, и одно, которое может назваться правом естественным. Оно состоит в том единственно, чтобы давать законы, основанные на правде (*aequitati*), и управлять по оным без всякого своекорыстия и не ища никаких собственных и отдельных польз; и понеже правда сама в себе беспредельна, так и власть, на ней основанная, беспредельна; иначе право сие не было бы верховным. Оно не может быть следствием никакого договора, ибо всякий договор предполагает судью и силу высшую и отдельную от сторон, в договор вступающих. Оно сохраняет сей характер, доколе не сливается с другим каким-либо правом, и действует одно само собою, во всей его чистоте и независимости; всякое слияние унижает его, перемещает самое существо его. Сливается ли оно с правом государственным, тогда где же будет право частное? Сливаются ли оно с правом частным, тогда где же будет право государственное? Верховный правитель будет помещик большой деревни, но не государь. В том и другом случае кто же будет определять пределы власти государства или людей частных?

Сие то смешение права верховного с правами низшими составляет то, что собственно именуется деспотизмом. Это не есть особенная форма права, но смешение права, слияние священного с человеческим (*miscet divina humanae*), верховного с подчиненным. И сие смешение, сия перипетия не есть особенно свойственно одним монархиям. Оно может быть равно в аристократиях и демократиях, если токмо демократии возможны или когда-либо и где-либо существовали.

ПРАВО ГОСУДАРСТВЕННОЕ

Право государственное различается от права гражданского тем, 1) что цель его не в нем самом, а вне его; оно есть власть, установленная для защиты другой власти; 2) что оно располагает не своими собственными, но присвоенными ему силами; 3) что оно само себя защищает и охраняет, между тем как право гражданское им защищается и охраняется, воспрещая себе самоуправство.

Право государственное всегда есть власть верховная (*imperium*), а право гражданское есть просто власть (*potestas*).

Между *jus* и *imperium* есть та разность, что *jus* всегда основано на предыдущем законе, а в *imperium* закон предшествует праву; но право самое есть закон, т. е. лицо, коему вверено *imperium*, имеет и власть законодательную; напротив, *in jure* власть законодательная имеет свои установления, различные от власти правительственной. Следовательно, *imperium* есть соединение власти законодательной и правительственной в одном лице: это самодержавие.

ПОРЯДОК И ЕГО СЛЕДСТВИЯ В ГОСУДАРСТВЕ

Порядок постоянный и продолжительный превращается, наконец, в судьбу — в необходимость физическую.

Он покоряет себе все существа, пресекает мечтания ума и сердца.

Он сливается со всеми интересами жизни и образует ее по-своему.

Отсюда происходит:

- 1) трудность изменений;
- 2) спокойствие умов;
- 3) привязанность сердца к интересам.

Но когда он раз потрясен, то производит:

- 1) нетерпеливость и беспредельность изменений;
- 2) общее смущение и ярость умов;
- 3) сражение интересов — революцию.

Для избежания сих превращений нужно всемирно охранять существующий порядок, т. е.

1) часто осматривать его и, соображая его с духом времени, поправлять обветшалое;

2) вводить постепенные в нем перемены и непрестанно улучшать, чтобы всего не переделывать.

МЕРЫ К УСТРОЙСТВУ ГОРОДСКИХ И КАЗЕННЫХ СЕЛЬСКИХ ОБЫВАТЕЛЕЙ

ДЛЯ КРЕСТЬЯН КАЗЕННЫХ

- 1) Переменить подать оброчную в поземельную.
- 2) Утвердить твердое волостное управление.
- 3) Поощрять переселения.
- 4) Разделить состояние крестьян на хозяев и работников.
- 5) Установить состояние сельских мещан и разделить оное также на хозяев и работников.
- 6) Дать свободу перехода из мещан в крестьяне и обратно.
- 7) Расширить, или по крайней мере с точностью означить, пределы беспошлинной торговли.

ДЛЯ ГОРОДОВ

- 1) Гражданами городов считать всех владельцев недвижимой собственности.
- 2) Учредить сообразно тому городское управление.
- 3) Все городские подати, кроме подушных, учредить по оценке недвижимых имуществ.
- 4) Означить с точностью пределы торговли беспошлинной и пошлинной.
- 5) Пошлинную торговлю разделить на два больших разряда:
 - а) на заграничную, или внешнюю портовую,
 - б) на внутреннюю; сию последнюю — на оптовую и лавочную.
- 6) Заграничную и оптовую внутреннюю производить домами, лавочную — лицами.
- 7) К торговле пошлинной заграничной и к оптовой внутренней допускать граждан всех состояний и всех городов. К производству торговли пошлинной внутренней (лавочной без оптовой) допускать всех мещан как сельских, так и городских.
- 8) К торговле беспошлинной допускать всех без различия.
- 9) Означить с точностью пределы заводов, фабрик и ремесел пошлинных и беспошлинных.
- 10) Пошлинные ремесла разделить на цеховые и личные.
- 11) Дав цеховым некоторые выгоды, учредить порядок их управления.

Преобладание дворянства вредно, преобладание купечества еще вреднее, но преобладание народа есть сущее бедствие.

Чтобы уничтожить или предупредить все сии преобладания, введено преобладание одного, но должно, чтобы сие преобладание не слагалось ни с одним из предыдущих и было от всех независимо, иначе оно будет вреднее всех, ибо будет представлять усиленное преобладание того или другого.

Человек тогда только сносен, когда он в бессилии. Сила или искание силы в начале его погубило и губит впоследствии. В бессилии он соединяется с Богом; в силе воюет против него. Таков закон сил и пресыщения даже и в физическом мире. Человек все может перенести, кроме силы.

О СМЕШАННОЙ МОНАРХИИ

Тацит сказал, что смешанное правительство из монархии, аристократии и демократии невозможно или непродолжительно.

Но Англия? Есть две конституции аглинские: Англия Монтескю и Делольма и Англия действительная. В первой есть три действующие стихии; во второй всегда действует одна, а две молчат или слабо борются с нею. Таким образом, правительство аглинское всегда было или чисто монархическое, или чисто аристократическое, или чисто демократическое. Различие состоит только в органах, а не в единстве.

Но то, что существенно отличает аглинское правительство от всех других, есть то, что каждый элемент имеет в нем полный организм, установленный так, что с переменою одного из них государство не падает в анархию, не имеет нужды созидать, но переходит токмо из одного порядка в другой — и в другой готовый. Таким образом, действующее начало всегда в данной эпохе есть одно, но в разных эпохах оно изменяется без большого потрясения. Это не есть революция, но изменение партий.

Опасность для Англии состоит в том, когда одно из трех ее начал совсем будет ниспровергнуто или так ослаблено, что в случае нужды не может оно тотчас вступить в силу правления. Так, например, если высшая камера будет избирательная, тогда уже не три, но два начала будут в состязании, и борьба их кончится бедою, т. е. чистою монархией или чистою демократией, вероятнее последнею. Но демократия среди государств европейских долго устоять не может; в ней скоро

явится дворянство, сперва военное, потом гражданское — следовательно, опять борьба.

При двух началах превозможение одного есть деспотизм, при трех — умеренность.

МЕСТНИЧЕСТВО

Местничество есть притязание обратить чины, звания и должности, лично вверенные, в места наследственные, подобно если не вотчинам, то по крайней мере поместьям, из коих часть всегда была оставляема детям в оклад, а другая в роде так же по окладам.

Сие притязание было следствием феодальной системы. Оно могло бы успеть и у нас, как успело во всей Европе, если бы государи рода Романовых не испровергли сих притязаний прежде, нежели они временем обратились в право.

Гораздо прежде решительного уничтожения местничества правила государей отклоняли его при всех случаях. При бракосочетании царя Михаила Феодоровича с Евдокиєю Лукьяновою Стрешневою государь и патриарх указали на их царской радости (при браке) боярам и прочим в чинах (в званиях при браке) быть без мест, для того чтобы теми *случаями* (почестями и званиями при браке) никому *в отчестве не считаться* (не ставить их в родовое достоинство и не считать наследственным правом подобно отчинам) и того (чины при браке) в место (в наследственное, как бы поместное или вотчинное право) никому не ставить (см. торжество брака 1626 г. в Вивлиофике).

Двумя обстоятельствами наша поместная система отличается существенно от общей феодальной: 1) тем, что наши поместья не были наследственны по праву крепостному, или вотчинному, и хотя они после смерти родителей давались детям и роду, но а) давались, а не сами собою переходили; дача была сильнее инвеституры; б) давались токмо в оклады службы так, что если оклады были все наполнены, то поместья, с выделом токмо вдовам на прожиток, обращались на государя; 2) они отличались тем, что ни помещик, ни вотчинник не мог устанавливать от себя для других поместий, не мог, следовательно, иметь вассалов, ни сам быть *seigneur suzerain*. Один только государь устанавливал поместья, и то в землях государственных, своих же вотчин в поместья он не раздавал, но владел ими сам на праве крепостном; следовательно, наша поместная система имела одну только степень, а феодальная могла дробиться на многие постепенности; 3) феодальное право от земских иму-

ществ распространилось на самые звания и должности, кои от того сделались наследственными и обращались в родах, а потому и продавались; напротив, в нашей поместной системе сын боярина не наследовал его звания, но был просто сын боярский или же дворянин, судя по вотчинному и поместному его имуществу и соразмерной тому степени службы.

НАРОДНЫЕ СМЯТЕНИЯ

Мир во зле лежит; человек есть великий грешник на земле.

Мера зла уменьшилась и постепенно уменьшается со времени христианства, но она все еще превышает меру нравственного добра.

Грех есть неповиновение божественной власти.

Всемогущий сам не может принудить человеческую волю себе повиноваться.

К сему два токмо есть средства: любовь и страх. Что может быть достойнее любви, как Бог, и Бога, однако же, не все, не равно, не сильно любят. Что может быть ужаснее гнева Божия, и его, однако же, не все страшатся.

Власть земная не более имеет средств, как и власть небесная.

Везде и во всем человек хочет быть Богом.

Чем более сил, тем труднее повиновение, ибо повиновение есть самоотвержение.

Настоящая система государств началась системою феодальною. В средних веках верховная власть боролась с феодальным дворянством. Способы борьбы состояли в богатстве и отелных силах военных.

Богатство частию разделились, частию расточились, частию понизились преимуществом других богатств (движимых); сила их соделалась маловажною. Военные силы подавлены учреждением войск постоянных.

Дворянство феодальное сперва превратилось в придворное, потом исчезло.

Сим первая борьба окончилась; настало время внутреннего покоя. Но другая борьба возникла в то же время, как первая приходила к концу.

Содержание войск, полиция, законы, суд, государственная роскошь требовали доходов; доходы предполагают промышленность, науку, просвещение.

На том самом месте, где стояло прежде дворянство, явилась новая аристократия — аристократия ума, просвещения,

промышленности, богатств движимых. Верховная власть сама ее воспитала, усилила, укрепила, ибо находила в ней две существенные пользы: противодействие дворянству и доходы.

Сначала все шло мирно, но война уже грозила.

Новая аристократия, основанная на свободе, требовала свободы, но свобода не может быть беспредельна.

Пределы назначались верховною властью, но назначались разнообразно, непостоянно, а иногда и прихотливо. От разнообразия в одном государстве было более свободы, в другом менее. Отсюда жалобы, для чего менее? От непостоянства. Ныне стесняли то, что прежде было дозволено. Отсюда жалобы, для чего стеснение? От прихоти. Жалобы на прихоть.

Сии жалобы, сперва мысленные, глухие, рассеянные, образовали мало-помалу частные сферы или составы, коих средоточия, постепенно расширяясь, смежаясь и сливаясь, составили наконец значительные области.

В сих областях жалобы превратились в притязания. Сила их в том состояла: 1) чтобы пределы свободы были сколь можно обширнее, 2) чтобы они полагаемы были не самовластно.

Сие притязание есть то, что именуется *общим мнением*; это есть мнение о порядке, коим должны быть устанавливаемы пределы свободы, пределы могущества новой аристократии.

Таким образом, на месте прежней власти феодальной основалась новая власть на земли, верховной власти так же противоположная, *власть мнения*, власть новой аристократии.

Без способов она была бы ничтожна, но она имеет те же способы, кои имело феодальное дворянство: богатство и военные силы.

Богатство есть сила, действующая на народную толщу.

Частные богатства в большей части Европы превышают ныне богатства государственные.

Силы военные личные, состоящие в личной способности к военным предприятиям, в большей части государств также превышают силы военные общие.

Следовательно, две власти, две системы сил, и борьба между ними — неминуема, неотвратима.

ЖЕЛАНИЯ ЧЕРНИ И НАРОДА

Свобода натуральная и свобода искусственная. Первая ищет как можно менее быть управляемою. Вторая ищет быть управляемою, но с прибытком, с обогащением и без принуж-

дения. Первая есть свобода народа рабочего, черни, вторая — промышленности и сословий избранных. Первая есть свобода ленивая, вторая — свобода деятельная, хлопотливая; первая ищет обилия и дешевизны в первых потребностях, вторая ищет того же во всем.

КАК И ГДЕ РОЖДАЕТСЯ ПРАВО НА ИМУЩЕСТВО?

В союзе семейственном есть имущества, но нет еще права на имущество; имуществом тут называется то, что состоит во власти семейства, и понеже все пользы семейства нераздельны, то члены его не могут иметь своего отдельного. Свое для семейства не противопоставляется чужому, но токмо тому, что не состоит в его власти.

Как и где рождается право на имущество?

Право начинается там, где есть добро и правда, следовательно, там, где есть согласие. Сие есть необходимое условие всякого права в обществе.

Но в чем может состоять согласие в имуществе?

Оно состоит в постановлении общего правила, что всякий, кто первый приобрел или произвел имущество, приобрел и произвел его с общего согласия и, следовательно, вместе с имуществом приобрел и право.

Право на имущество может иметь токмо три вида: 1) обладание с неизвестностию первого приобретателя; оно есть двояко: действительное одержание (*incubatio, detentio, possessio physica*) и одержание предполагаемое (*possessio civilis*); 2) обладание в качестве первого приобретателя совокупно с пользованием; 3) обладание в собственность без пользования и пользование без обладания в собственность.

Следовательно, право на имущество рождается: 1) посредством согласия; 2) согласием присваивается имущество первому приобретателю; 3) оно может иметь место токмо там, где есть не токмо свое, но где есть и чужое; чужое же быть не может, как токмо в союзе родовом; следовательно, право рождается там, где есть свое и чужое, где есть имущество во власти другого.

О ПРАВЕ КРЕПОСТНОМ (de jure in re)

Под именем права крепостного (*jus in re*) во всех государствах, так как и в России, разумеется такое право, которое утверждается

на самом предмете права и при всех переходах сего предмета от одного лица к другому остается с ним нераздельно так, что имеющий сие право отыскивает предмет его, в каком бы владении он ни состоял и как бы ни дошел в его владение.

Образ, коим приобретается сие право в России и в других государствах, есть различен; для познания сего различия нужно определить сие право по двум разным его предметам: по имуществам недвижимым и движимым.

О ПРАВЕ КРЕПОСТНОМ В НЕДВИЖИМЫХ ИМУЩЕСТВАХ

В других государствах свойство сего права определяется образом установления его (*per titulum*), а в России не токмо образом установления, но и образом совершения (*per modum acquirendi*).

В других государствах право сие приобретается наследством, залогом и повинностями. В России право крепостное может быть приобретаемо не токмо наследством, залогом и повинностями, но и договором купли и даже найма, если договоры сии совершены крепостным порядком.

Сие различие происходит от различия в системе укрепления.

Во всех государствах укрепление производится одним токмо явочным порядком, т. е. внесением акта в явочные книги; а сие внесение удостоверяет токмо время и действительность совершения, удостоверяется посредством предыдущих и последующих публикаций ни в том, что имущество прежде не было заложено, ни в том, что оно после того ни продано, ни заложено не будет. Ясно, что в сей системе внесение акта в книгу или совершение его ни в каком случае само по себе не может дать крепостного права.

В России, напротив, укрепление производится двояко: порядком явочным и порядком крепостным. Совершение порядком явочным не дает и у нас само по себе крепостного права; но совершение крепостным порядком дает право крепостное, ибо совершение сие состоит в удостоверении, что имущество ни прежде не было продано или заложено, ни впредь не будет; а посему если никто ни прежде, ни после совершения не мог иметь на имущество права, то ясно, что оно крепко одному тому, кто приобрел его, и он может отыскивать его, невзирая на лица, ибо всякое лицо, после его приобретшее, не могло уже приобрести, как токмо имение запрещенное и чуждое. Из сего исключается один токмо случай, когда бы доказан был подлог в самом совершении.

Из сего видно, что право крепостное в других государствах имеет одно токмо основание — образ его установления, а в России два: в одних случаях, как-то в наследстве и повинностях, — установление, в других же, как-то в залоге, куше и найме, — совершение. В том и другом случае сила крепостного права всегда утверждается на старшинстве права, и в собственном смысле не на старшинстве, но на судебной гласности, ибо право может быть прежде уступлено явочным порядком, нежели крепостным, но крепостное гласнее явочного.

Право крепостное (*jus in re*) не что иное есть, как право относительно к другим старшее. В самом деле, откуда происходит сила и преимущество залога? От того единственно, что все права на имущества, после залога состоявшиеся, суть права младшие; они утверждались уже не на свободном, но на запрещенном имении и, следовательно, относились уже более к лицу, нежели к имуществу. Откуда происходит самая сила и преимущество прав наследственных? От того, что наследство утверждается на акте рождения, а сей акт в сопряжении его с правом представления есть акт самый старший всех других продаж и залогов.

Следовательно, одно старшинство права составляет отличительное свойство права крепостного.

Старшинство сие в России удостоверяется особенным порядком совершения; в других государствах оно не имеет особенного совершения. Там правительство предоставляет самому приобретателю снискивать удостоверение в старшинстве его права; а дабы сие удостоверение соделать удобным, то постановляется правилом не совершать актов, как только в том округе, где лежит имущество. В России, напротив, удостоверение в старшинстве права (и следовательно, в крепостном его свойстве) правительство приемлет на себя и вместе с тем разрешает совершение актов приобретения во всех местах без различия.

Первая система беззаботнее для правительства, вторая же удобнее для частных людей и свойственнее государству обширному.

О ПРАВЕ КРЕПОСТНОМ В ДВИЖИМЫХ ИМУЩЕСТВАХ

Те же самые причины, коими устанавливается крепостное право в недвижимых имуществах, устанавливают его и в движимых.

Посему движимое имущество, как у нас, так и в других государствах, считается крепостным, когда оно дошло по

наследству и по залогу. Но сверх сего движимые имущества считаются крепостными по обладанию, каким бы, впрочем, образом они ни дошли, кроме насилия и подлога.

Сей вид крепостного права основан на силе передачи. Передача в движимых имуществах в полной мере заменяет крепостное совершение, а потому и производит она право, равносильное тому, какое возникает от совершения, т. е. право крепостное.

КРЕПОСТНАЯ ВЛАСТЬ

Крепостная власть (*potestas dominationis*) есть право натуральных работ в пользу личную, которое без согласия властителя ни лично, ни потомственно прекращено быть не может никаким денежным возмездием и которое продолжается или по жизнь властителя, или по жизнь подвластного, или потомственно. В первом и во втором виде крепостное право есть право кабальное, в третьем — крепостное наследственное.

Крепостная власть различается от власти верховной: 1) тем, что она есть только власть работ (*praestationis*), 2) что хотя последняя также требует работ, но не в пользу личную, а в пользу общественную, и притом работ на определенное время и уравнительно, и требует их посредством общего закона, почему сии работы и именуются службою.

Право помещичье слагается 1) из права крепостного, 2) из власти управления, или низшей полиции, 3) из власти судебной вне формальных инстанций, 4) из власти управления хозяйственного, и в том числе из рекрутов.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ И УСТРОЙСТВО КРЕПОСТНОГО СОСТОЯНИЯ

Крепостное законное состояние есть состояние подданных людей, живущих на чужих землях, и именно на землях дворянских, не по найму добровольному, но по взаимной обязанности, установленной законом. Следовательно, состояние сие не крепко ни лицу, ни земле, но крепко обязанности, законом на него возложенной. Сия обязанность взаимная состоит, с одной стороны, в трехдневной работе, с другой — в пользовании за сию работу известным участком земли.

Следовательно, закон должен определять, с одной стороны, 1) в чем должна состоять трехдневная работа; с другой стороны, 2) в чем должно состоять пользование землею по количеству ее и качеству.

СВОЙСТВО И РОД РАБОТЫ

Трехдневная работа, в других выражениях, есть половина рабочих сил, но не сил умственных, а искусственных, следовательно, в работе сельской.

Все, что есть замен сей сельской работы деньгами или употреблением других сил (не рабочих), должно быть предметом добровольного условия.

СВОЙСТВА ПОЛЬЗОВАНИЯ

Пользование землею должно состоять в обрабатывании ее другою половиною сил; следовательно, количество земли определяется половиною сил, но так определяется, чтобы произведения достаточны были: 1) к платежу податей и повинностей, 2) к воспитанию детей, годных на службу, 3) (*здесь в рукописи пробел*).

Всякая замена земли должна быть основана на добровольном согласии.

Всякая обязанность взаимная может подлежать спору.

Следовательно, должны быть:

- 1) Договор.
- 2) Суд.